

ЕВА МЕРКАЧЁВА

КАМЕРНЫЕ
РЕПОРТАЖИ
и житейские притчи

Иллюстрации Юлии Грязновой

Ева Михайловна Меркачёва

Камерные репортажи и житейские притчи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69603856

Камерные репортажи и житейские притчи:

ISBN 978-5-6049757-0-1

Аннотация

Известная журналистка и обладательница ряда премий за правозащитную деятельность воплотила свои впечатления о судьбах людей, отбывающих наказание в российских тюрьмах, в цикле новелл-притч. Каждая основана на реальных событиях.

Как влияет на заключенных отечественная пенитенциарная система: излечивают ли они душу в исправительных учреждениях или теряют навсегда в веру в Добро и Истину? Герои произведений предстают в ситуации выбора: либо проявить лучшие человеческие качества в трудных обстоятельствах, либо продолжать винить во всём других, но только не себя... Утраченная или обретенная любовь, светлая грусть о прожитом, муки совести за содеянное и очищающее сердце раскаяние скрашивают их утомительные, бесконечно серые дни.

Издание предназначено для читателей всех возрастов.

Содержание

Камерные репортажи	5
«...В темнице был, и вы пришли ко мне»	5
Кому служить?	10
Константин и Петрович	20
День рождения	30
Свистящая бабушка	36
Чужие	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Ева Михайловна
Меркачёва
Камерные репортажи
и житейские притчи**

© Меркачёва Е.М., 2023

© Книжный мир, 2023

© ИП Лобанова О.В., 2023

Камерные репортажи

«...В темнице был, и вы пришли ко мне»

– Светлячков! На выход! – крикнула надзирательница, открыв дверь камеры. И вздохнула, глядя на заключённого: – Господи, кому ж ты такой нужен? И кто ж за тебя волноваться-то может? Иди, горе луковое.

– Куда? – с детским интересом поинтересовался он.

– Пришли к тебе.

Внешность Светлячкова поражала. Ему явно не могло быть больше 30 лет, но выглядел почему-то, как старик: беззубый рот, неестественная худоба и нездоровый блеск в глазах.

Надзирательница проводила арестанта до следственного кабинета, где его ждали «общественники».

– Здравствуйте, ваша жена обратилась к нам... Вы плохо выглядите. Болеете?

– Немного... ВИЧ, гепатит. А туберкулёз – пролеченный, – как бы извиняясь, произнес заключённый и закашлялся.

– Ох и букет у вас! – посочувствовала женщина. – Откуда

же такое на вас свалилось? Вы ведь ещё молодой совсем.

– Наркоманил. Но потом бросил, взял себя в руки. Не верите? Сразу не получилось, потому перешёл с наркотиков на алкоголь. И вот, попался из-за ерунды. Если бы не это, и пить бы бросил.

– Тут-то точно бросите.

– Ага. Как думаете, вылечусь? А то тюремный доктор мне сказал, что долго не протяну, и потому лекарства на меня не стоит тратить...

– Врёт ваш доктор. Пугает. Это чтобы вы занялись своим здоровьем, наконец.

– Я так и подумал.

– А лекарств мы достанем. Жена вон какая у вас! Как переживает! Звонит нам каждый день. Просила передать, что любит и будет ждать сколько нужно.

– Скажите ей, что и я люблю!

– Передадим. Мы сейчас с врачами поговорим, чтобы вас хорошо лечили. Но вы же понимаете: если у вас самого настраивая на выздоровление не будет – это всё бесполезно.

– Будет-будет! Спасибо вам!

Заключённый с выражением блаженства смотрел на посланцев из вольного мира, улыбался беззубым ртом. И вдруг по памяти, не сбившись ни разу, прочёл стих из Евангелия от Матфея: *«Скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: "Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал*

Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне”. Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником и приняли? Или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным или в темнице и пришли к Тебе?» И Царь скажет им в ответ: “Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне”. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: “Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня”. Тогда и они скажут Ему в ответ: “Господи! Когда мы видели Тебя алчущим или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?” Тогда скажет им в ответ: “Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне”. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную»¹.

¹ От Матфея (25; 34–46). – Прим. ред.

В кабинете повисла тишина. Нарушила её надзирательница.

– Всё? Забираю?

Она вывела заключённого в коридор и вернулась:

– Я очень извиняюсь. Но то, что вы ему говорили, это правда?

– О чём?

– Ну, что его дома жена ждёт и любит.

– Правда, конечно.

– Надо же! Он же такой... Конченный, одним словом. Пропащий. Как такого любить можно?

– А она любит! Говорит о нём с нежностью. И чувствуется, что образованная женщина.

– Но вы же сами его видели!

– Видели... Порой мы видим многое, но не замечаем главного.

– А что это он цитировал?

– Писание.

– О чём?

– Как раз об этом.

Кому служить?

– Видали живого генерала? – открывший дверь в камеру белобрысый охранник оскалился.

В камере было человек двадцать уголовников, у некоторых нынешний арест – уже третья или даже пятая ходка.

– Давай его сюда, мы тут его рвать будем! – пошутил самый молодой, с забитой татуировками шеей.

Вся камера загоготала.

– Я серьёзно. Сейчас приведём. Встретьте его со всем «почтением». – И шёпотом многозначительно добавил: – Конторские попросили. – А потом снова во весь голос: – Но только без синяков и травм! И смотрите, чтобы не «вздёрнулся».

Оперативник стукнул железным ключом по двери в знак серьёзности своего последнего пассажира. Потом побледнел (видимо, представил, что будет, если с генералом что-то сделают):

– Он должен быть живым и здоровым! Но при этом жалеть, что он и здоров, и жив. Понятно?

– А чё ты нам тут приказываешь? Это ты конторе служишь, а не мы, – один из уголовников сверкнул железными зубами.

– Давайте по-хорошему. Мы к вам не лезем. Шмона уже сколько у вас не было? То-то. «Дороги» гоняете, мобилу вон даже не прячете. Оборзели вконец... А мы тут на всё глаза

закрываем. Так что давайте один раз послужите родине, – ухмыльнулся охранник.

– А что нам за это будет? За то, что вашему генералу станем нянюшкой, а он нам жёнушкой? – лежавший на втором ярусе нар мужчина лет сорока сказал это негромко, но так, что слышали все. Он был лысый, при этом казалось, природа изначально не предполагала наличия волос на его идеальной формы черепе.

– Давайте не наглейте. Если конторские узнают, что вы быкуете, все поедете на этап во Владимир. Ясно? – вдруг разозлился охранник.

– Ясно, чего уж яснее...

В камере наступила пауза. Слова «Владимир» здесь боялись больше всего, даже вслух старались не произносить. Под «Владимиром» подразумевался воспетый шансо-ные Владимирский централ. Одна из самых строгих и страшных тюрем России.

Владимирский централ, ветер северный.

Этапом из Москвы, зла немерено.

Лежит на сердце тяжкий груз... ²

– напевал охранник известную песню, заменив Тверь Москвой.

Камера молчала. Двадцать пар глаз смотрели на него с плохо скрываемой ненавистью.

– Ну вы, это, встречайте дорогого гостя! – прокричал охранник, спешно закрывая дверь камеры и проворачивая в замке ключ.

Мужчина со второго яруса сел на своей койке, свесил ноги.

– Чё делать будем? – спросил «железнодорожный».

– Ничё! – ответил ему лысый. – Генерала не трогать. Но концерт исполним – и перед ним, и перед операми.

Спустя час дверь камеры вновь отворилась: на пороге был он. В домашнем спортивном костюме, с матрасом и большой сумкой с вещами (ворвавшиеся к нему в пять утра лю-

² Автор – Михаил Круг (1962–2002). – *Прим. ред.*

ди в масках и с автоматами проявили гуманность – дали собраться), он не был даже отдалённо похож на генерала. В глазах – вопрос, как у человека, который приходит в себя после кратковременной потери сознания: «Где я? Что я здесь делаю?» «Железнодорожный» отметил это про себя, пробурчав чуть слышно: «Эк они тебя...»

Генерал видел в своей жизни многое. За плечами почти сорок лет службы, все «горячие» точки... Последние годы он руководил снабжением ряда подразделений, сидел в штабе Министерства обороны. Как и почему стал обвиняемым в уголовном деле о растрате и превышении должностных полномочий, мог только догадываться, и до последнего не верил, что арест возможен, не допускал самой мысли, что окажется в СИЗО³.

Но вот он здесь.

Пока грузили в автозак, кто-то неведомый шепнул на ухо: «Мужик, мне тебя жалко, но ничего ты не докажешь. Ты лучше во всём признавайся, иначе они тебя посадят в камеру к уголовникам, а те будут хором и бить, и насиловать».

Он не признался. И вот теперь – в камере с уголовниками. – Ого, какого нам фрэера привели! Ну заходи, не робей.

Генерал сделал шаг вперёд. Два сотрудника захлопнули за спиной дверь.

³ Следственные изоляторы (СИЗО) предназначены для содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу. – *Прим. ред.*

– Сейчас ты нам тут спляшешь и споёшь. Это обязательно для новеньких. Начинай! – нарочито громко приказал лысый арестант.

Другой заключённый подошел сзади и легонько толкнул: «Давай-давай!»

Оперативник в глазок наблюдал за происходящим. Но в камере рядом стали стучать, он опустил «веко» глазка, сожалея, что не посмотрит песни-пляски, и пошёл разбираться.

– Мужик, ты не бойся, тебя никто не тронет, – тихо сказал генералу лысый. – Конторские просили оперативников СИЗО, чтобы тебя прессанули. Мы на них не работаем, мы сами по себе. Но будем делать вид, что тебя тут мучаем, а то нас... на этап нехороший поставят. Комедию, короче, будем ломать, типа наезжать на тебя. Ты уж не подведи, всерьёз всё не воспринимай. Показывай, что типа боишься, в полном подчинении. И это... не вздумай того (жестом показал, как шею обматывают веревкой). Во-первых, мы тебе не дадим. Во-вторых, жизнь, мужик, она сложная, но всё по силам даётся. Всё по силам.

– Всё по силам, – автоматически повторил генерал.

* * *

– Как тут у вас генерал? – поинтересовался тот же белобрысый оперативник.

– Вон унитаз драит, старается. Всё хорошо у него, граж-

данин начальник. Скажи же, а, генерал?

– Так точно, гражданин уголовник! Несу службу! Жалоб на условия содержания не имею! – отрапортовал генерал.

Генерал вытянулся в стойку, грязную тряпку положил себе на голову и поднёс к ней руку.

– Ну всё в порядке, значит, – улыбнулся белобрысый и закрыл дверь камеры.

– Ты молодец, такую сцену сыграл! Мы не ожидали, – под-сели к генералу на кровать уголовники. – Теперь он доложит, что тебя тут довели до скотского состояния. А ты вообще сильный мужик!

– Давайте за стол, по чифирю.² Генералу место уступите нормальное. За тебя, мужик! Пусть у тебя всё наладится!

На следующий день в СИЗО пришли правозащитники, имя генерала было в списке тех, кого они собирались навестить. Белобрысый оперативник с недовольным видом сопровождал гостей в камеру.

– Здравствуйте, господа заключённые. Как у вас дела? – спросили правозащитники.

– Как в тюрьме! – избитой фразой ответили уголовники, с интересом разглядывая новые лица.

– Есть ли больные? Кому нужна помощь?

– Мы самые здоровые! Условия отличные!

– Не похоже что-то... В камере сырость. А темно почему? Сколько лампочек не работает? А можно вас, да, вот вас, попросить выйти к нам из тёмного угла, – правозащитники по-

казали на генерала. – Представьтесь, пожалуйста.

– Да он не может, наверное. Устал, парашу мыл зубной щёткой! – оскалился один из заключённых.

Генерал сделал несколько шагов и назвал своё имя.

– 159-я статья, «переход»? А у вас, господа арестанты, какие статьи и какой по счёту раз за решёткой?

– 105-я, «убийство». Второй раз.

– 162-я, «разбой». Второй.

– 161-я, «грабеж». Четвёртый раз.

– 111-я, «причинение тяжких телесных». Второй.

– Ясно, достаточно, – прервали правозащитники. И, обращаясь к оперативнику, попросили, указав на генерала: – Выведите этого заключённого, мы хотим про здоровье спросить, а это лучше не при всех.

Белобрысый нехотя вывел генерала в маленький закуток на «продоле».

– Как вы? Они над вами издеваются?.. – участливо поинтересовалась девушка-правозащитница.

Вместо ответа генерал зарыдал. Это были первые и настоящие, не наигранные, слёзы. Через них выходило всё, что копилось на сердце, начиная с ареста, а может, вообще все последние годы. Он никогда не позволял себе плакать, а тут перед совершенно незнакомыми людьми не мог и не хотел остановиться.

Девушка подошла ближе и взяла его за руку, стараясь успокоить:

– Всё будет хорошо, это всё временно.

– Да-да, я знаю.

– Мы поможем, мы не уйдём, пока вас не переведут в нормальную камеру. По закону запрещается содержать вместе впервые арестованных и «второходов».

Правозащитница серьёзно посмотрела на оперативника – тот слегка поёжился. Вдруг пожалел генерала, и себя почему-то жалко стало. Да так, что самому впору зарыдать.

...Генерала переводили в другую камеру.

– Ты помнишь? – спросил лысый, подав руку на прощание.

– Помню. Всё нам дается по силам. Спасибо вам всем.

Оперативникам СИЗО влетело за превышение должностных полномочий. Конторских, которые отдали распоряжение прессовать генерала, наказало за самостоятельность их же начальство. Генерала освободили через несколько месяцев. А ещё спустя год он, проезжая в машине, увидел стоявшего на остановке лысого. Притормозил.

– Помнишь меня?

– Как не помнить-то, товарищ генерал.

– А давай выпьем!

– Отчего ж не выпить с настоящим фраером? – улыбнулся лысый.

Они сели в ближайшем баре за столик и пили виски пополам с крепким чаем, чифирем, чем удивили бармена. А тот долго наблюдал за странной парочкой – хорошо одетым

мужчиной и явно бывшим эком (выдавали татуировки) в потёртой курточке. Что у них могло быть общего? И почему они сидели, как старые добрые друзья? И что имел в виду хорошо одетый мужчина, когда взял со стола тканевую салфетку и положил её себе на голову, приставив руку в приветствии? И почему эта выходка обоих так рассмешила?

Константин и Петрович

Дверь камеры со скрипом отворилась. Десяток заключённых привычно повернулись и уставились в сторону полоски света, пробивавшейся за спинами двух надзирателей. Те, ловкими движениями, втолкнули внутрь плюгавенького мужичка с двумя пакетами и, не мешкая, закрыли дверь, дважды провернув ключ в замочной скважине.

– Добрый вечер, – явно бодрясь, сказал бледный новичок. – Меня зовут Руслан Петрович.

– Ты чё, мужик? Может, тебя ещё и на вы? – грубо возразил толстый арестант с тонкими, в ниточку, губами. – В тюрьме возраста нет. Будешь Руслан. И то пока не придумаем тебе погоняло.

– А где будет моё место?

– Место? Твоё место – у параши, если будешь так вопрос формулировать.

– Я что-то не так сказал? Не понимаю...

Другой заключённый показал ему на свободную кровать в углу. А когда тот опустил на неё свои пожитки, подсел рядом:

– Не переживай, потом поймёшь. Просто некоторые слова в тюрьме имеют другое значение. Слова-ловушки. Вот слово «место» как раз такое, ты его не употребляй. Говори: кровать, шконка, нары, что угодно.

Петрович кивнул. Про себя отметил, что в камере он не

пробыл и пяти минут, а уже чувствует себя провинившимся школьником. И вдруг остро понял, насколько всё изменилось. Вспомнил свой офис (одна только приёмная занимала 100 квадратных метров!) в элитном бизнес-центре в самом сердце Москвы. Мало кто знал, но весь этот центр – его! Он умудрился скрыть этот факт даже от жены.

Петрович вспомнил, как давал распоряжения людям, умом и талантом которых сам восхищался и которых собирал по кафедрам престижных вузов, переманивал у конкурентов. Ему нравилось осознавать, что все они от него в зависимости, что он с ними демонстративно разговаривает, как с равными. Вспомнил их всех и почти с безразличностью оглядел сокамерников. В людях Петрович разбирался. По крайней мере, так считал. Из всей камеры более-менее приличными ему показались трое: один попал за наркотики, два других – за мошенничество. Надо, решил, держаться к ним поближе.

– Назови статью, расскажи кто ты, откуда, – приказным тоном снова заговорил толстый.

– 159-я, часть 4-я, – представился Петрович. – В СИЗО впервые. Задержан следователями Замоскворецкого.

Выдержав паузу добавил:

– Не виновен.

– Все мы тут невиновные. Ты, мужик, пойми, тут жить можно. Если есть грёв, то и продукты будут у тебя хорошие, и лекарства, и телефон с интернетом – сможешь на порно-

сайты хоть каждый день заходить. Ты бизнесмен?

– Ну как сказать... Был малый бизнес, но всё отобрали, – жалобно заверещал Петрович.

– Можно попробовать вернуть. Ты тут можешь на своей койке офис устроить. У нас до тебя был один: прямо из камеры руководил всем бизнесом. Так и выкарабкался потом. И деньги свои вернул, и свободу.

Тогда Петрович, на своём веку обманувший десятки прожжённых партнёров, не догадывался, что в камере с первых минут тонко и аккуратно разводят его самого. Жильцы этой хаты с самого начала знали, кто он и откуда, чем владеет. Имели на него свои планы. Они знали даже про острова в Тихом океане, о которых он никому, кроме самых близких, никогда не говорил.

Пройдёт меньше полугода, и он перепишет эти острова на неизвестного персонажа. Сделает это с лёгкостью и радостью, и в тот момент будет казаться, что ему дали шанс выкупить свою никчёмную душонку. Бизнес-центр отнимут ещё раньше. Всё произойдёт по тому плану, что начертали задолго до его посадки два полковника.

На «поступок» их вдохновил пьяный рассказ партнёра Петровича, который в Краснопресненских банях в сердцах поведал, как «гад Петрович» умудряется вести все свои дела без поддержки сверху. Полковники выяснили, что прикрытия у Петровича действительно нет ни со стороны «фейсов», ни со стороны ментов. Когда-то у него были влиятельные

друзья, но где они сейчас? В конце концов, если проявятся, всегда можно будет отступить, сделать шаг назад. Мол, ошибка вышла. И на этом тоже поймать какие-то деньги. В общем, план беспроигрышный.

Однако реализовать его без оперативников СИЗО и кри-

минальных персонажей невозможно. Впрочем, схема давно отработана, и обкатали её не на одном бизнесмене. Обычно всё происходило так. Заключённому в красках описывали два разных варианта жизни за решёткой: один – комфортный, с мобильной связью и прочими предпочтениями; второй – страшный, если не сказать, жуткий, в камере, где у него не будет своего спального места (пardon, своей шконки). Там невозможно дышать от табачного смрада, там сырость, грязь. Туда не придут даже те передачи, что родные передадут официально. Голод, холод, постоянные провокации сокамерников, страх быть, в конце концов, «насаженным на нож». Перебрасывание из камеры в камеру, которое расшатывает нервы так, как никакое падение ставок на бирже. Уже через пару недель человек становится похожим на зомби, и ему кажется, что другой, вольной, жизни просто никогда не существовало. В такие моменты подписываются дарственные, переписываются недвижимость, компании... Всё это заверяет нотариус, которого услужливо пускает гражданин начальник...

Не знал деталей прокрученной схемы не только Петрович, но и простой оперативник Константин, которому выделили в ней маленькую, но вредную роль.

Константина в СИЗО не любили. Заключённые не раз утверждали, что этот сотрудник оперчасти требовал от них следить друг за другом и писать доносы, а тех, кто не соглашался, подвергал репрессиям. Пожаловаться на действия

узурпатора было невозможно: обращения на имя начальника СИЗО и правозащитников пропадали, как самолёты в Бермудском треугольнике.

С этим тюремщиком столкнулся даже «золотой мальчик» по имени Саша, который попал за решётку из-за одной модели лёгкого поведения. Девушка сама напросилась в гости, а потом заявила в полицию, что парень её изнасиловал. Расчёт был на деньги Сашиного отца – что побоится он для семьи дурной славы. Но эта история – для отдельного рассказа. Здесь же достаточно сказать, что из-за прессинга Константина мальчик-мажор пытался покончить с собой.

В общем, Константин получил чёткое указание – гнобить Петровича. Делал это с особым наслаждением. Сам всегда хотел быть похожим на таких вот успешных, и казалось, родись он в другой семье, поступил бы в хороший вуз, стал стоящим человеком, умел бы зарабатывать большие деньги. А так – пришлось идти на непрестижную должность вертухая с зарплатой в 30 тысяч. Про несметные богатства Петровича Константин не знал, иначе мог бы выйти обратный эффект: вместо того, чтобы гнобить заключённого, тёрся бы около него, как драный уличный кот у ног прохожего, в надежде, что тот подберёт.

«Почему постель не заправлена? Запрещается спать днём!» – орал он на Петровича. Тот вскакивал, извинялся, просил не делать ему выговор. На следующий день повторялось то же самое. Ни к кому другому в их камере Констан-

тин не придирался. И Петровичу хотелось выкрикнуть с детской обидой: «Почему я? Посмотрите – никто не заправляет кровать!» Но Петрович молчал. Ему было стыдно за свою обиду, за то, что он, человек состоятельный и состоявшийся, вынужден сносить придирки тупого вертухая.

На этот раз Константин пошёл дальше. Он вызвал Петровича в отдельный кабинет и предложил подписать оперативный контракт.

– Я ничего не понимаю... О чём вы?

Всё он понимал. Слышал, как год назад один из заключённых на суде прокричал, что сотрудник СИЗО, некий Константин, обманным образом заставил его подписать документ о сотрудничестве.

«Но я не хочу ни за кем следить и ни на кого стучать! – выкрикивал парень. – Меня обманули и запугали! Помогите мне кто-нибудь, отмените контракт!»

Благодаря именно этой истории и оперативнику Константину, многие заключённые узнали, что такое оперативный контракт.

Вообще, с советских времен на СИЗО возложена функция раскрытия преступлений, причём совершённых не только внутри изолятора, но и вне его (вдруг, например, сидельцы в камере проговорятся о каком-нибудь неизвестном криминальном эпизоде). Занимается этим оперативная служба, сотрудники которой подчас совсем молодые, без опыта и без достаточной подготовки. В итоге действуют они топорно: ра-

ди раскрываемости порой заставляют одних заключённых оговаривать других, манипулируют условиями содержания и прочее.

Завербованные таким образом подследственные и являются участниками оперативного контракта. Только после вмешательства правозащитников удавалось «снять с контракта» некоторых арестантов, которые не хотели шпионить, но боялись огласки и репрессий. По словам арестантов, усердный оперативник бил их синей папкой для бумаг по голове и палочкой по пальцам – подобного рода жалобы поступали от арестантов разного возраста, профессии и так далее. В числе обращавшихся находились и интеллигентные люди, впервые обвиняемые по нетяжким статьям (соответственно, уровень доверия к их словам был достаточно высок). Все они одинаково описывали внешность и поведение сотрудника СИЗО.

Особенно доставалось от него заключённым из категории «обиженных». «Меня заставил оговорить моего сокамерника, – рассказывал один из таких. – Якобы тот всех агитирует после освобождения ехать воевать в Сирию. Это было вранье, и я отказался. В итоге – отправился в карцер». Подобных историй было множество, одна тянула за собой другую.

«Я имею право отказаться. Я не буду стукачом», – почти умолял Петрович Константина. Тот пригрозил расправой и отправил заключённого обратно в камеру. На прощание ударил по голове знаменитой своей синей папочкой...

В ту ночь не спали двое – бизнесмен Петрович и оперативник Константин. Оба мечтали. Петрович рисовал в воображении, как выходит на свободу; как следователь и прокурор приносят ему публичные извинения, как жмут руку на прощание сокамерники: «Ты прости нас, Петрович, всё это была проверка, ты её прошел, ты настоящий мужик!» Представлял он, и как все они потом пытаются попасть к нему на приём в офис, чтобы попросить хоть какую-то работу. Как Толстый соглашается служить у него швейцаром, как Константин моет машины в его гараже...

А Константин видел в мечтах, как его награждают медалью за оперативную работу, как пришивает он новые погоны и как бывший зэк Петрович, встретив на улице, благодарит, что научил его уму-разуму...

День рождения

Сокамерники разбудили Стаса в 6:30, незадолго до того, как должен был войти с проверкой надзиратель. Сквозь решётку дневной свет почти не пробивался, а освещение в камере было плохим.

Но всё же витало в воздухе нечто... торжественное, что ли.

– С днём рождения! – пробасили четверо здоровых мужиков. – Будь мы на воле, отвели бы сейчас в баньку да в ресторан.

Но вот: что смогли...

Сокамерники не без гордости указали на стол, где стоял самый настоящий торт. Сами ночью приготовили: коржи из баранок и сухарей, творог, ну, орехов добавили, мёду...

– Серёга придумал рецепт, – улыбаясь, кивнул один на полного мужчину. Тот выглядел комично в коротких спортивных штанишках и резиновых тапочках, в которые едва втиснулись ступни в толстых вязаных носках.

Ещё месяц назад Серёга понятия не имел, даже как яичницу сварганить: почти тридцать лет в бизнесе, обеды только в лучших ресторанах или дома (готовил повар, который когда-то президента кормил). А тут пришлось самому придумывать рецепт чудо-торта.

Однако это спецзадание камеры (маломестной, куда собрали предпринимателей, обвиняемых по одной, 159-й, статье – «мошенничество») Серёге, или Сергею Николаевичу, как его звали в миру, пришлось по душе. Искал «наводки» в газетах и журналах, которые, слава богу, разрешено выписывать заключённым. Сложность состояла в том, что нет в камере ни плиты, ни духовки, а с одним кипятильником торт точно не сделаешь. Однако природная смекалка выручила и на сей раз. Торт вышел отменный. Вместе с крепким чаем и пожеланиями получилось необыкновенно празднично.

Не хватало, пожалуй, только свечей, увы, запрещённых ПВР – по правилам внутреннего распорядка.

После чаепития вручили подарок – настоящую книжную полку, которую сконструировали из пустых полуторалитровых пластиковых бутылок и верёвок, скрученных из разрезанной простыни. Сказали: «Нашему командору» (это прозвище появилось у Стаса в тюрьме – как знак уважения и непререкаемого авторитета). Наверное, столь трогательно его, учёного, профессора, не поздравляли ещё никогда.

«Пройдите в адвокатский кабинет», – вежливо пригласил сотрудник СИЗО. Там ждал подарок от жены Светланы – тёплая, нежная открытка, подписанная вместе с детьми. Стас бесконечно вчитывался в каждое слово, впитывая потоки любви, которые, как ему казалось, лились через него. На воле жена и дети вручали ему такие открытки к каждому празднику, но ритуал прочтения был дежурным, занимал

несколько секунд. А тут всё приобрело новый вкус – и торт, и простая открытка.

Стояла адская духота, и Светлана заботливо передала футболку с короткими рукавами и тончайшие носки. Теперь не будет жарко. Скажи ему в прежние времена кто-нибудь, что однажды он будет радоваться простой футболке, покрутил бы пальцем у виска.

А подарки всё не заканчивались. От соратников передали гамбургер с картошкой фри (на воле Стас ни за что есть не стал бы, но за решёткой это был настоящий гастрономический изыск), а от адвокатов – коробку конфет «Рафаэлло».

О дне рождения узнала конвойная служба и «продольный». Предложили вне графика вывести всю камеру в баню. Праздник продолжался. Баня тут – на самом деле, обычный душ, даже без лейки. Но в тюрьме его ценность огромна: снимает стресс и словно смывает накопившийся за несколько дней негатив. На воле не понимаешь, какое это счастье стоять под льющимся потоком воды полчаса, меняя температуру от ледяной до кипятка. Впрочем, на воле у Стаса никогда и не было тридцати лишних минут на душ. Максимум – пять. Ополоснулся, вытерся, оделся – и побежал. Только здесь, в СИЗО, профессор открыл для себя эту столь обыкновенную радость.

Вернулся из бани, а в камере – фуршет. Ребята нарезали сыра, колбасы, фруктов, сделали бутерброды с маслом и красной икрой (как в старое советское время). Не хватало

только бутылочки хорошего вина. Раздобыть её не удалось, хотя каждый из сокамерников готов был заплатить за это пару миллионов (люди тут собрались – точнее, их собрали – далеко не бедные).

Посидели здорово, поговорили от души и нахохотались до колик. В тюрьме без шуток и юмора нельзя – очень скоро скиснешь, зачахнешь. Поэтому Стас и его сокамерники постоянно поддевали друг друга. Завершился праздничный вечер рубйловом в домино. Камера в него играла только по праздникам и всегда с большим азартом и вдохновением.

Прочли, как положено по канонам, вечернюю молитву (в камере сидел бывший священник) и отошли ко сну. Стас лежал и думал, что этот день рождения не забудет никогда. А ещё он осознал, что тюрьма каждому из них подарила нечто, о чём они и мечтать не могли на воле, – время. Там у всех были дела или делишки, носились без конца по странам и городам, мелькали лица, пейзажи... Остановиться бы, отдаться мгновению, ощутить вкус жизни, но – увы... И как жалок, как беден на самом деле тот, кто, имея, казалось бы, всё, не может позволить себе этим насладиться!

Стас подошел к окну и увидел знакомого тюремного кота. Беспородный, с драным хвостом, он был тем не менее желанным гостем в каждой камере.

Стас почему-то подумал, что больше всего на свете хотел бы получить в подарок на следующий день рождения (дай Бог встретить его на воле) вот этого облезлого кота. Чтобы

нагло забираясь на колени в самый неподходящий момент, мурчал громко-прегромко, заглушая звонящий мобильник, сбивал с мыслей и не давал распланировать следующий день.

Кот напоминал бы не о самой тюрьме, нет, но о простых радостях, которые в ней для Стаса открылись.

Он уже не сомневался: этот день рождения – действительно лучший в его жизни.

Свистящая бабушка

– Эй, ты чего нервничаешь? Придёт она! Обязательно придёт. Всегда приходит же! – мужчина лет тридцати подбадривал двадцатилетнего парня, напряжённо то ли вслушивающегося во что-то, то ли вглядывающегося в кусочек неба, который виден сквозь решётку на окне камеры.

– Студент, ну правда, хорош нервничать! – подхватил здоровяк. – А то я сам уже начал волноваться.

Часов в камере не было (запрет на них сохранился с советских времен). Заключённые определяли время по телевизору. Но «голубой глаз» вчера забрали из их камеры надзиратели в отместку за то, что жильцы пожаловались на отсутствие в СИЗО стоматолога. Однако, с часами или без, было понятно, что время близится к вечеру. Обычно она приходила в районе обеда.

– Знаете, сколько ей лет! И сердце у неё больное... – загробным голосом сказал парень.

– Женька, ты чего раскис и всю камеру «на слезу» подсадил? – вмешался пожилой заключённый. – Такие, как твоя бабушка, – бойцы! Просто так не сдаются. Задержалась старушка по своим делам. Может, в поликлинику заглянула, а там очередь. Знаешь, какие очереди сейчас в поликлиниках? Кошмар один!

Но тут раздался громкий протяжный свист, который про-

извёл на всю камеру поистине животворящее воздействие. Евгений вскочил, подбежал к окну, сокамерники подхватили его, подняли повыше. Он махал кому-то далёкому, улыбался. Это продолжалось минут десять, а может, и намного дольше. Времени, казалось, не существовало. Вся камера молчала, но это было самое счастливое молчание, какое каждый из жильцов мог себе представить.

А потом Женьку опустили на пол. Настроение в камере сделалось превесёлое. Историю Женьки все знали. Студент-тотличник, попался за наркотики – «закладку» сделал, чтобы заработать на подарок любимой девушке. Пока был в СИЗО, успел поработать санитаром в тюремной больнице – ухаживал за тяжелобольными заключёнными. Первый раз за решёткой, куча смягчающих обстоятельств, а приговор жёсткий – девять лет колонии строгого режима. Евгений, когда услышал это в зале суда, сначала ушам своим не поверил. Потом ушёл в глубокую депрессию и, возможно, наложил бы на себя руки, если бы не бабушка Вера Николаевна...

Лихо свистеть она научилась в детстве, пока гоняла по деревне с мальчишками, а вспомнила о своём искусстве, когда внук появился. «Женька, – рассказывала, – маленьким по деревне бегают, я свистну, он услышит и примчится на обед». Женька с друзьями даже на другом конце леса её свист слышали, такой уж он мощный.

Связь с внуком у свистящей бабушки – особая, духовная. Ну так она его фактически и вырастила! И вот арестовали

парня, а бабушке – горе: не может она, чтобы совсем его не видеть. Вот не может, и всё! А свидания – кому ж их следовательно даёт раньше, чем через год-полтора? Купила тогда бабушка бинокль, пришла к СИЗО, свистнула, как только она одна умеет, и стала высматривать любимое лицо в бинокль. Женя услышал, прильнул лбом к решётке на окне – повидали друг дружку. Так она и ходила к «Бутырке» на встречи с внуком. Охрана-то свист слышала, но его источник определить не могла. Кто ж мог подумать, что седая старушка способна так свистеть? А бинокль она ловко в пакетик прятала. Так и встречались больше года.

На следующий день Женьку вывезли в суд на апелляцию. Бабушка пришла, пирожки принесла. Перед началом заседания теребила платочек и шёпотом в углу молитвы читала. А уж как она смотрела на трёх судей! Видели ли они её молящие глаза? Вряд ли. Ни срок не снизили, ни режим не поменяли на обычный. Но Женья всё это перенёс стойко, боялся только за бабушку. Вернулся в камеру молчаливый.

– Женька, плюнь ты на них, – увещевал пожилой. – Бессердечные они! А знаешь почему? Потому что у них в жизни никогда любви не было. И бабушки у них такой не было, как у тебя. Вот придут они сегодня домой, а там что? Нелюбовь. Фильм такой, кстати, есть – «Нелюбовь». Я смотрел его. Страшный фильм про то, как люди живут и друг друга не любят. Прости ты этих судей, Женька! Они ещё не знают, что отвечать за всё перед Богом будут. «Какой мерой мерите, такой и вам отмерено будет».

– Студент, так тебя на этап, выходит, скоро отправят, – опомнился здоровяк. – Тебя увезут, и она больше не придёт?! Мы к твоей бабушке так привыкли...

– Повезло тебе с ней, а ей – с тобой, – включился в беседу другой сосед. – А нам повезло, что мы всё это видели. Знаешь, у меня бабушки не было, в том смысле, что я её не знал. Но я спать теперь ложусь и представляю свою бабушку похожей на твою, и засыпаю сразу. Я вот будто изменился. Что-то перевернулось. Хочу выйти поскорее, семью создать,

детей и внуков в любви растить.

Женя слушал-слушал и вдруг перестал жалеть себя, мол, бедный он студент, которому всю молодость предстоит в тюрьме провести. А думал только об одном – лишь бы бабушка всё выдержала: пересылки, передачи, свиданки. Бог даст, выдержит!

...Прошло два месяца. В поезде, идущем до Мордовии, в плацкартном вагоне сидела пожилая женщина. Она везла две сумки с продуктами, сверху в одной из них лежал пакет с пирожками, а бабушка насвистывала тихонько что-то нежное, умиротворяющее...

Чужие

Генерал лежал на железных нарах и думал о приближающейся смерти. Его отвлекали узоры из трещинок на потолке камеры особого СИЗО (таких в России только два, и помещают туда преступников «государственного масштаба»): вот этот узор похож на птицу, а этот – на лодку... «Лодку Харона, перевозчика душ в подземное царство мёртвых», – пришло в голову генералу.

Умирать он не боялся. Боялся оставить своих близких: «Как они будут? Сколько горя испытать приведётся... Справятся. Бог о них позаботится. Главное – когда настанет моё время, думать об их счастье, просить за них Бога».

Генерал был тюремщиком и по долгу службы сам видел разных людей по ту сторону решётки. Один из арестантов, попавший к нему однажды на приём, оказался настоящим философом. Он поездил по миру, изучая традиции и религии, и рассказывал, что истинные буддисты веруют в реинкарнацию и в то, что последние мысли умирающего определяют, какой будет его следующая жизнь. И потому думать нужно о любимых и о том, что удалось сделать хорошего для людей. Хотя генерал был православным, слова эти почему-то запали в душу.

И вот сейчас он окинул мысленным взором свою жизнь, в которой главное место занимала тюрьма. Она давно стала вторым домом, что в его случае вовсе не являлось фигурой речи. После окончания Высшей заочной юридической школы МВД СССР Сергей Николаевич не долго работал простым милиционером. Смекалистого, разумного, смелого и исполнительного, его заметило руководство, он стал продвигаться по службе. А потом предложили возглавить исправительнотрудовую колонию (в те годы тюрьмы входили в систему МВД). Согласился. Он и сам не мог понять, почему вдруг так запросто поменял работу милиционера на «хозяйна» (так в лагере начальника звали).

В заключённых он видел людей, за каждым уголовным делом – судьбу. Но был строг и требовал соблюдения режима. Работу свою любил и нередко цитировал Петра I: «Тюрьма

– ремесло окаянное, и для скорбного дела сего нужны люди твёрдые, добрые и весёлые». Не сказать, что весельчак, но был он человеком, что называется, на своём месте. Да и просто был человеком, хотя чётко осознавал, что служит системе. Оттого-то и разрывало порой на части, когда видел, как несправедлива она бывает к людям, а он в этом невольно помогает. Когда кто-то из параллельного ведомства (следователи и чекисты) в его епархию влезали, возмущался им в лицо, но никогда не сообщал наверх. Думал: «Всё ж таки это свои».

Когда возглавил целое управление в регионе, сумел сделать много полезного и правильного для того, чтобы СИЗО и тюрьмы в области перестали внушать обывателю прежний безоговорочный, почти мистический ужас. При нём в «местах не столь отдалённых» улучшились условия, тяжелобольных стали чаще отпускать на свободу, многим арестантам наказание заменяли более мягким. Всё получалось потихоньку, и он этому радовался...

Вот и звание генерала присвоили. Дети выросли, внук родился. Ах, как полюбил он этого пацанёнка! И тот – это ведь надо! – был похож на деда ну как две капли! Будто впрямь слеплены из одного теста. Из-за внука генерал стал любить бывать дома, ценить выходные. И даже тюрьма отступала на второй план.

«Порой думаешь, что всё хорошо, – а уже кто-то роет тебе могилу», – потом иронизировал над собой Сергей Нико-

лаевич.

Сначала пришла болезнь. Генерал никак не мог понять – за что? «Я, конечно, не святой. Само собой, добрым словом помянет не каждый заключённый – режим мало кто любит. Но людоедом-то я точно не был», – размышлял он. А ещё горевал: «Ну почему вот сейчас? И как же внук? Ведь так мечтал смотреть, как он растёт, баловать, учить быть настоящим мужиком...»

А потом пришли «свои». В масках и с автоматами. Задержание, арест.

Генерала заподозрили в получении взятки. В обвинение никто из подчинённых и даже заключённых не верил: зачем бы ему на старости лет, на закате карьеры рисковать всем? Денег у генерала не нашли, однако в деле были обличающие показания одного из его заместителей.

Судья отводил глаза, когда избирал «главному тюремщику региона» самую жёсткую меру пресечения, несмотря на справки, что у Сергея Николаевича диабет и удалена из-за онкологического заболевания почка.

«Взять под стражу в зале суда!» Услышав это, генерал грустно усмехнулся.

«Зачем упорствуете? Вы же понимаете, что это система? Есть распоряжение сверху. Дайте нужные нам показания, и для вас всё будет предельно мягко. Пара лет или вообще “условка”, и поедете домой к внуку», – убеждал молодой следователь в кабинете, куда вывели генерала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.